

Саша Деленив

ПАСТУХ

Саша Деленив

Пастух

<https://litres.ru/74289199>

SelfPub; 2026

Аннотация

1885 год. Девятилетнего Жозефа Мейстера, сына пекаря из эльзасской деревни, кусает бешеная собака. Мать везёт его в Париж — к человеку, о котором ходят слухи: он нашёл способ побеждать водобоязнь. Этот человек — Луи Пастер, химик, чья фамилия переводится как «пастух». Он никогда не лечил людей, только собак. Но если не попробовать — мальчик умрёт.

Так начинается история первой в мире вакцинации против бешенства. И история мальчика, который навсегда связал свою жизнь с человеком, подарившим ему второй шанс. «Пастух» — это роман-фантазмагория о науке и вере, о верности и предназначении, о волках, которые приходят без предупреждения, и о пастухах, которые выходят им навстречу. Это книга о том, что смысл жизни — жить. И о том, что самая тихая нота в оркестре иногда звучит громче всех.

Саша Деленив

Пастух

Пролог. Увертюра.

Смысл жизни.

Если отбросить религиозные и философские доктрины — хотя как их отбросишь, когда они прошивают самое небо над головой? — то, возможно, смысл жизни это не точка назначения. Не финальная станция, к которой мы спешим, сбивая дыхание. Смысл жизни — это направление взгляда.

Куда ты смотришь, просыпаясь утром? В окно, за которым занимается заря и первый луч солнца касается пыльных стекол, как дирижёрская палочка касается пюпитра перед началом симфонии? В лицо спящего рядом человека — самое родное и самое загадочное из всех лиц, карта прожитых вместе лет, где каждая морщина — русло пересохшей или полноводной реки? В дверной проём, откуда тянет теплом печи и запахом свежего хлеба — это пекарь, ещё затемно, уже выложил на лоток первый горячий каравай? Вот туда ты и идёшь всю жизнь — сам того не зная. Твой взгляд прокладывает маршрут раньше, чем ноги сделают первый шаг. Твой взгляд уже выбрал, кого ты будешь пасти и кто будет пасти тебя.

Мы рождаемся не с готовым ответом. Мы рождаемся с

вопросом, который звучит в нас тихо, как камертон. Сама жизнь прикладывает его к нашему уху каждое утро, и каждый день мы отвечаем на него — не словами, а поступками, выборами, тем, чему мы позволили задеть наше сердце. И ещё — тем, за кем мы пошли. И тем, кто пошёл за нами. Потому что никто не приходит в этот мир один и никто не уходит один — мы всегда часть чьего-то стада, даже если думаем, что бредём сами по себе.

Биология говорит: мы рождаемся, чтобы передать гены дальше, и умираем. Точка. Конечная станция — две даты на могильной плите, а между ними тире, в которое пытаются уместить всё: первую любовь, вкус дождя на губах, запах материнского молока, последний вздох деда, колыбельную, страх, восторг, тишину. Но наше сознание отказывается принимать такой плоский ответ. И оно право. Потому что тире — это не просто черта. Это глоток. И от того, чем мы его наполним, зависит, кем мы станем в чужой судьбе — волком, овцой или пастухом.

Смысл жизни Пушкина нам более или менее ясен. Он — первая скрипка в оркестре человечества. Его нота звучит так чисто и высоко, что её слышат через столетия. Он разбудил русский язык, как пастух будит стадо на рассвете, — и язык проснулся, заговорил, запел. Это понятно. Это видно. Это лежит на поверхности, как солнечная дорожка на воде.

В чём смысл жизни безымянного современника Пушкина? Человека, который жил с ним в одно время, дышал тем

же воздухом, может быть, даже видел его на Невском — низенького, быстрого, в цилиндре, — но сам не написал ни строки. Он пёк хлеб. Или тачал сапоги. Или пас овец в псковском поле и смотрел, как облака плывут на запад, туда, где за лесом уже начиналась Европа. Его имя не осталось ни в одном учебнике. Его могила затеряна, и ограда на ней давно проржавела и упала в траву. Зачем он жил? Какую ноту он внёс? Кого он пас — и кто пас его?

Представьте себе оркестр.

Вот он, огромный, в золоте и дереве, в бархате кресел и блеске пюпитров. Дирижёр поднимает палочку. Пушкин — это, бесспорно, первая скрипка. Его мелодия ведёт за собой остальных, она задаёт тон, она остаётся в памяти, когда всё уже отзвучало.

Но уберите вторые скрипки. Уберите альты, чей голос — густой и терпкий, как вечерний мёд. Уберите контрабасы, которые не играют мелодию, а держат землю под ногами у всей музыки, как пастух держит землю под ногами у стада, не давая ему разбрестись в панике. Уберите того скромного человека, который сидит в самом дальнем углу и ждёт своего часа двадцать семь тактов, чтобы в нужный миг — один-единственный раз! — ударить в треугольник. Только «дзинь» — и снова тишина.

Если убрать его — мелодия рассыплется. Не хватит воздуха. Не сойдутся края. Не случится того самого перехода от печали к надежде, ради которого всё и затевалось.

Каждый человек вносит свою ноту. Не громкую. Не заметную. Но без которой музыка мира была бы неполной. И у каждой ноты есть своё стадо. Даже у треугольника. Его «дзинь» разносится по залу и задевает чьё-то сердце, и это сердце вздрагивает, и человек выходит из концерта немного другим. Он сам не знает, что изменился. Но он уже пошёл за этим звуком — как овца, которая даже не заметила, что пастух повернул её в новую сторону.

У этой ноты есть две важные характеристики.

Первая — тембр. Качество присутствия. Как человек проживает своё обычное утро. С каким лицом он подаёт чай. Как открывает дверь соседу. Как ухаживает за садом, в котором никто, кроме него, никогда не сидит. Его улыбка. Его терпение. Его молчаливая забота — это вибрация, которая передаётся другим, как тепло от печи, даже если саму печь уже заслонили спинами. Это пастушество без посоха. Это ведение без слов.

Вторая — резонанс. Способность задеть другого. Мы никогда не знаем, какое наше случайное слово или поступок запустят цепную реакцию в чужой душе. Соседка, которая просто выслушала. Учитель, который поверил, когда весь класс смеялся. Они не оставили после себя стихов. Но они изменили траекторию чьей-то жизни — так лёгкое касание пастушьего посоха направляет овцу не в овраг, а к водопою, и она выживает в засуху, и приносит потомство, и меняет судьбу всей отары.

Смысл жизни «обычного» человека, возможно, в том, чтобы быть свидетелем и хранителем. Сохранить тепло очага, пока гении идут на битву. Передать детям не гениальность, а честность. Не дать погаснуть тому малому огоньку человечности, который горит в каждом доме, даже когда снаружи — ураган и тьма. Быть пастухом огня. Пастухом памяти. Пастухом тишины, из которой когда-нибудь родится новая симфония.

Но кто держит палочку? Кто же тот Дирижёр, что стоит перед оркестром? И почему Его иногда называют Пастухом?

Назовём Его так. Не будем спорить об имени — пусть каждый произносит его на своём языке, пусть даже молча. Он присутствует в каждой мысли героев этой книги. Не как судья с карающим мечом, не как надзиратель, заносающий в grossбух каждую провинность. Нет. Он — как тишина, из которой рождается музыка. Как пауза между двумя ударами сердца, которая держит весь ритм. Как пастух, который не гонит стадо кнутом, а идёт впереди, и овцы узнают Его по голосу. По тихому зову, который звучит не в ушах, а где-то глубже — в самой сердцевине существа.

Герои этой книги твёрдо знают: Он есть. Они могут не говорить о Нём вслух — они говорят с Ним. В минуту ужаса. В минуту радости. Они просят Его милости, даже не понимая до конца, что это значит. Они благодарят Его за горбушку хлеба, за то, что ребёнок перестал кашлять, за то, что дождь наконец пошёл. Их вера проста и крепка, как дере-

венский стол, за которым собирается вся семья. Им некогда философствовать — им надо жить. Но именно в этом «жить», в этом ежедневном, упрямом, хрупком и несокрушимом стремлении дышать, просыпаться, смотреть на свет, они, сами того не осознавая, исполняют Его замысел. Они пасут свою жизнь, как умеют, — а Он пасёт их всех, как умеет только Он.

Ведь Дирижёр, возможно, видит не так, как мы. Мы смотрим на Пушкина и замираем в восхищении: гений! Пастух от поэзии! Мы смотрим на полководца и говорим: он повёл за собой армии. Мы смотрим на мать, поднимающую пятерых детей в голодный год, и говорим: она их выпасла, выходила, вывела в люди.

Но Дирижёр смотрит на всё это иначе. Он не сравнивает. У Него нет табеля о рангах. Он слышит ноту каждого — и для Него она драгоценна. Может быть, Он потому и создал мир таким огромным и многоголым, что Ему нужны были все. Без исключения. И тот, кто ударяет в треугольник, и тот, кто просто дышит в зале. И мать, и полководец, и Пушкин, и безымянный пекарь, чей хлеб ели все перечисленные. И тот пастух, который в горах заслонил овцу от волка, и никто этого не видел, кроме облаков.

И ещё одно имя носит Дирижёр — быть может, самое важное. Пастух. Потому что Пастух — это не тот, кто властвует. Это тот, кто служит. Не тот, кто гонит, а тот, кто ведёт. Не тот, кто требует, а тот, кто отдаёт. Пастух знает каждую овцу

по имени. Пастух не спит, когда стадо спит. Пастух выходит навстречу волку, когда овцы бегут прочь.

И вот Он открывает смысл.

Смысл жизни — жить. Это знает младенец, который ещё не умеет говорить. Это знает столетний старик, который уже всё забыл, кроме этого. Жить. Просто жить. Но ещё — слышать голос Пастуха и идти на него. И ещё — иногда самому становиться пастухом для кого-то. Для ребёнка. Для друга. Для памяти. Для истины. Для того, что нельзя предать.

Мы, люди, привыкли считать себя венцом творения. Самыми эволюционировавшими. Самыми приспособленными. Мы строим города, пишем симфонии, заглядываем в телескопы в самые далёкие уголки Вселенной и в микроскопы — в бездну под ногами. Мы гордимся собой. И в этой гордости есть правда.

Но есть и другая правда, которую мы часто забываем.

Вокруг нас, на нас, внутри нас кипит другая жизнь. Бесчисленная. Невидимая. Древняя, как сам мир. Бактерии, микробы, вирусы. Они не строят городов и не пишут стихов. Но они тоже хотят жить. Это их единственный смысл, их единственная молитва. Жить. Продолжиться. Найти себе дом.

И для многих из них мы — всего лишь территория. Временная квартира. Тёплая пещера, по которой можно путешествовать, в которой можно размножаться, которую можно передавать от хозяина к хозяину. Они пасутся на нас, как

овцы на лугу, — только мы для них не пастухи, а пастбище. А иногда они — не овцы. Иногда они — волки.

Разве это не поразительно? Мы смотрим на звёзды и ищем там братьев по разуму, а у нас под носом, на кончиках наших собственных пальцев, кипит жизнь, которая старше динозавров, старше деревьев, старше самой суши. Она пережила всё. И она тоже создана Пастухом. У неё тоже есть своя нота — не слышная нашему уху, но вплетённая в общую симфонию так плотно, что вынуть её нельзя, не порвав всей ткани.

И вот что самое жуткое и самое величественное: эта невидимая жизнь иногда меняет ход нашей видимой, громкой, человеческой истории. Один укус. Одна царапина. Один глоток заражённой воды — и судьба империи делает поворот. Или судьба маленького мальчика из эльзасской деревни, о котором мы ещё ничего не знаем, но который уже родился и спит сейчас в колыбели, и мать поправляет ему одеяло, не ведая, какая роль уготована её сыну в симфонии.

Волк приходит без предупреждения. Волк не воет перед нападением. Волк бьёт в горло — молча. И только потом, когда овца уже лежит на земле, он поднимает морду к луне.

Люди веками знали это. Знали и давали имена волкам.

Чума. Она приходила в города чёрной тенью — и целые улицы замолкали, только скрипели телеги, увозившие мёртвых в общие ямы, и пахло гашёной известью, и священники не успевали читать отходную. Волк, который косил без разбора.

Холера. Она просачивалась в колодцы невидимой каплей, и человек, ещё утром здоровый, к вечеру корчился в судорогах, а к полуночи был уже холоден. Волк, который пил воду раньше, чем жертва успевала почувствовать жажду.

Оспа. Она не спешила убивать. Она метила. Лица становились картами пережитого ужаса, и выжившие носили эти карты до самой смерти. Волк, который оставлял автограф на коже.

Тиф. Шакал войны. Он шёл следом за армиями, как тень за солдатом, и часто убивал больше, чем пули и ядра. Волк, который питался хаосом.

Туберкулёз. Медленный волк. Он грыз лёгкие годами, и жертва кашляла кровью на платок, но до последнего надеялась, что это просто простуда. Волк, который умел ждать.

Все они — древние, как сама жизнь. Невидимые. Бесмысленные и беспощадные. Они не различают королей и нищих, младенцев и стариков, праведников и грешников. Они просто хотят жить. Но их жизнь — это всегда чья-то смерть.

И всё же среди этой стаи был один волк, который стоял особняком. Не самый убийственный — чума и холера забирали больше. Не самый заметный — оспа оставляла более страшные следы. Но самый... жестокий. Потому что он отнимал не только жизнь. Он отнимал саму суть.

Бешенство.

Чума убивает тело. Холера опустошает его. Оспа уродует.

Но бешенство — оно превращает друга во врага. Собаку — в чудовище. Человека — в зверя. Оно заставляет жертву кусать тех, кого она любит, и этим кусанием передавать смерть дальше. Это не просто убийство. Это поругание. Это извращение самого понятия «жить». Оно делает из овцы волка. И этого новоявленного волка уже не остановить ни окриком, ни молитвой, ни ударом палки в упор.

Все эти волки не знают, что есть человек, который выйдет им навстречу. Один человек — против целой стаи. С посохом не из дерева, а из стекла и стали. Из колб и микроскопов. Из упрямства и бессонных ночей. Из любви, переплавленной в волю.

И он выйдет против всех. Но самый страшный бой, самый личный, самый мучительный, будет с тем волком, который отнимает разум. С тем, который заставляет овцу кусать пастуха. С тем, что не просто убивает, а разлучает душу с самой собой ещё до того, как остановится сердце. С бешенством.

Ведь оркестр — это не только музыканты. Не только ноты на пюпитрах. Не только Дирижёр с поднятой палочкой.

Оркестр — это и воздух, который дрожит от звука. Это дерево скрипок, которое когда-то было живым деревом в лесу и помнит шум ветра. Это канифоль на смычках, добытая из смолы, которую собирал в сосновом бору человек, чьё имя никто не записал. Это медь труб, выплавленная из руды, которая миллионы лет лежала в темноте под землёй, пока шахтёр не спустился за ней с лампой. Это лёгкие музыкантов,

которые дышат, и сердца, которые бьются в такт.

А ещё — это термиты, которые медленно, год за годом, проедают деревянные балки под полом концертного зала. Они не подозревают, что наверху играют симфонию. Они не слышат Пушкина. У них своя нота — тихий, непрерывный хруст хитина и древесины. Но придёт день, и балка треснет, и музыкант вздрогнет от неожиданного скрипа. И это тоже часть партитуры. Никто не оценит величину этой ноты на первый взгляд.

Вот так же никто не оценил бы величину мальчика по имени Жозеф Мейстер, если бы однажды в его жизнь не вошёл волк. А за волком — человек, которому суждено было стать Пастухом.

И на этом полотне, в этом оркестре, под взглядом Пастуха, который любит всех — и скрипача, и термита, и вирус, и мальчика, который его носит, — начинается наша история.

История о реально жившем во Франции учёном по имени Луи Пастер. Пастух — так переводится его фамилия Пастер, и он носил её не как случайный набор звуков, а как пророчество, от которого нельзя уклониться.

Теперь, когда мы это знаем, слово «Пастух» будет значить для нас двоих: Того, Кто на небесах, и того, кто в лаборатории на улице Ульм. Один — Вечный. Другой — из плоти и крови, который вышел против волков с посохом науки.

Это роман-фантаσμαгория. Здесь вирус говорит голосом

древнего волка. Здесь тени умерших детей стоят за плечом учёного, и он шепчет им: «Я не успел спасти вас, но я спасу других». Здесь склеп в подвале Института — не просто гробница, а портал между мирами, где каменный Пастух и живой сторож ведут безмолвный диалог сквозь годы. Здесь кролики в лабораторных клетках знают больше, чем кажется, и смотрят на людей красными глазами, в которых отражается вся боль и вся надежда человечества.

Здесь Пастух, который никогда не был на войне, выигрывает битву, важнее всех сражений XIX века.

Здесь мальчик, который никогда не мечтал о славе, становится бессмертным — не потому, что его имя в учебниках, а потому, что он не предал забвению имя спасителя.

Здесь волк и пастух, вирус и вакцина, жизнь и смерть сплетаются в один танец, в одну симфонию, в одну партитуру, написанную Дирижёром, который любит всех — и скрипача, и термита, и вирус, и мальчика, который его носит.

Это история о том, что смысл жизни — жить. Но жить так, чтобы твоя нота, пусть самая тихая, пусть едва слышная, пусть сыгранная на треугольнике в самом дальнем углу оркестра, — долетела до того, кто в ней нуждается. До мальчика, искусанного собакой. До старика, запершегося в склепе. До читателя, который откроет эту книгу и, может быть, впервые задумается: а какую ноту играю я?

Это «Пастух».

Глава 1. Молоко.

Откуда берутся люди?

Ребёнок спрашивает об этом лет в пять, и мать краснеет, а отец уходит в другую комнату, делая вид, что ему срочно нужно поправить дверную ручку. Потом, запинаясь, они рассказывают что-то про аистов, капусту и тычинки с пестиками. Но ребёнок спрашивает не об этом. Он спрашивает: почему я — это я? Почему я родился здесь, у этих родителей, в этом доме, под этим небом? Почему не на другом континенте, не в другом столетии, не в теле животного или птицы? Почему моя нота зазвучала именно сейчас и именно в этом оркестре?

Ему не отвечают. Ему говорят: «Вырастешь — поймёшь». Но он вырастает и всё равно не понимает. Просто вопрос перестает жечь язык и уходит куда-то вглубь, в ту самую сердцевину, где звучит тихий зов Бога-Пастуха.

А на самом деле ответ прост, как дыхание. Люди рождаются от людей, потому что жизнь не умеет останавливаться. Она не придумала другого способа — только передавать себя из рук в руки, из тела в тело, из глотка в глоток. Как эстафетную палочку. Как ноту, которую один музыкант доиграл, а другой подхватил, ещё не зная, что это за мелодия.

Сначала — темнота. Тёплая, влажная, глухая. Сердце матери бьётся где-то рядом, и этот стук — первая музыка, ко-

торуую слышит человек. Ещё до рождения он уже в оркестре. Он уже часть симфонии. Он уже слышит ритм, заданный Дирижёром, — ритм, под который будет жить всю оставшуюся жизнь.

Потом — свет. Резкий, пугающий, ослепляющий. Первый вдох обжигает лёгкие.

Мать прижимает его к груди. От неё пахнет молоком и потом, хлебом и тревогой. Она смотрит на него и не знает, кем он станет. Может быть, гением. Может быть, строителем. Может быть, сторожем при склепе. А может быть, никем — просто проживёт свою жизнь тихо, незаметно, как трава растёт. Но сейчас, в эту минуту, она знает только одно: он жив. Он дышит. Он сделал свой первый глоток воздуха.

И Бог, Который стоит над всеми и любит всех — и мать, и младенца, и повитуху, и врача, и даже траву, которая растёт сама по себе, — Бог принимает этот глоток. Он записывает его в партитуру. Он кивает Дирижёру: «Продолжаем».

Рождение — это всегда продолжение.

Никто не приходит в мир с чистого листа. За спиной каждого — вереница предков, длинная, как Млечный Путь. Они передавали друг другу не только цвет глаз и форму носа. Они передавали страх и надежду, умение молоть муку и умение бояться грозы, любовь к музыке и недоверие к чужакам. Всё это упаковано в крошечный комочек плоти, который лежит на руках у матери и ничего ещё не знает о мире.

Но он узнает. Обязательно узнает. Потому что жизнь —

это не только биология. Это ещё и память.

Память — это не библиотека. Это не архив с пыльными папками, куда можно зайти и навести справки. Память — это река, которая течёт сквозь поколения, и каждый, кто пьёт из неё, пьёт не только свою жизнь, но и жизни тех, кто был до него.

Прадед, переживший чуму, не рассказал внукам, как пахнет чёрная смерть. Он вообще не любил говорить о том годе, когда улицы заваливали трупами, а здоровые запирались в домах и молились. Но его страх передался дальше — не словами, а тем, как он вздрагивал, когда ребёнок кашлял. Тем, как он мыл руки перед едой в эпоху, когда никто не мыл рук. Тем, как он смотрел на крыс.

А ещё был кто-то в далёком XVII веке. Крестьянин, ремесленник, может быть, бродячий монах — мы не знаем его имени. Он смотрел на звёзды и думал: «Кто мы? Зачем мы? Почему мир устроен так, а не иначе?» Он не был учёным. Он не умел читать. Но его мысль — невысказанная, неоформленная, просто искра, вспыхнувшая в мозгу и погасшая — не исчезла. Она передалась сыну, внуку, правнуку. Она дремала в крови, как вирус в нервном узле, ждала своего часа. И однажды проснулась в мальчишке, который сидел над колбами и спрашивал себя: «Почему бульон мутнеет? Почему жизнь возникает только из жизни?». Это и есть эстафета. Это и есть симфония. Ни одна нота не пропадает впустую. Ни один глоток воздуха не исчезает бесследно. Пастер стал Пастухом,

потому что за его спиной стояли поколения людей, которые боялись, надеялись, думали и передавали свой страх, свою надежду и свою мысль дальше — ему. А он передал их нам — вместе с молоком.

Каждое утро миллионы людей просыпаются и первым делом тянутся к холодильнику. Не к зеркалу — к холодильнику. Пакет молока. Картонная коробка сока. Йогурт в пластиковом стаканчике. Сыр в вакуумной упаковке. Они не задумываются об этом. Они просто завтракают.

По статистике, около шестидесяти процентов взрослого населения Земли начинает утро с молока или молочных продуктов. Шестидесят процентов. Шесть миллиардов глотков каждое утро. И почти никто из этих шестидесяти процентов не знает, кому обязан тем, что молоко на их столе не убивает их.

Советская актриса Маргарита Назарова — та самая дрессировщица тигров, звезда фильма «Полосатый рейс». Она не погибла в пасти хищника, не сорвалась с трапеции под куполом цирка. Она умерла от бруцеллёза — болезни, которую подхватила через заражённое молоко. Волк вошёл не через клыки тигра, а через глоток. И такие случаи не были редкостью. Композитор Франц Шуберт умер от брюшного тифа, выпив заражённой воды. Врач, который лечил его, качал головой: «Молодой, здоровый — и вдруг». Никто не знал тогда, что тиф передаётся через воду и пищу. Что его можно остановить, просто нагрев молоко до семидесяти градусов.

Просто нагрел молоко.

Кто придумал это? Человек по имени Луи Пастер. Но прежде чем нагреть молоко, ему пришлось доказать то, что сегодня кажется очевидным даже ребёнку: жизнь не возникает из ничего.

В середине XIX века наука стояла на пороге великого спора. С одной стороны — древнее убеждение, что жизнь может самозародиться. Положи в тёмный угол тряпку, посыпь зерном — и через неделю оттуда ползут мыши. Оставь мясо на солнце — и в нём заведутся черви. Всё это видели своими глазами. Это был факт. Факт, который подтверждался веками.

С другой стороны — сомнение. Слишком странно: из грязи — мышь, из гнилого мяса — муха, из капли воды — целый зверинец под микроскопом. Неужели жизнь так проста? Неужели ей не нужен родитель?

Пастер взялся за дело.

Он взял стеклянную колбу с длинным изогнутым горлышком — такие колбы потом назовут «лебедиными». Он налил туда мясной бульон и прокипятил его. Пар выходил через горлышко, убивая всё живое внутри. А потом он оставил колбу открытой. Не заткнутой пробкой — открытой. Воздух входил в неё свободно. Но пыль, а вместе с ней и микробы, оседали на изогнутых стенках горлышка и не попадали в бульон.

День проходил за днём. Бульон оставался прозрачным. В

нём ничего не заводилось.

А рядом стояла такая же колба, но с прямым горлышком. И в ней бульон мутнел уже через день — там кипела жизнь.

Вывод был прост и гениален: жизнь не возникает из воздуха. Она приходит с пылью. С микробами. От другой жизни. Жизнь — только от жизни.

Этот эксперимент перевернул мир. До Пастера люди верили, что микробы — это следствие болезни, что они заводятся сами собой внутри больного тела. После Пастера стало ясно: микробы — это причина. Они приходят извне. Они передаются от больного к здоровому. Они не возникают из ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.